

Голубева Людмила Николаевна

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО - КОНЦЕПЦИЯ НЕИСТРЕБИМОСТИ ЖИЗНИ
(ПО ПОВЕСТИ "СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА")**

В статье рассматривается концепция проблемы жизни и смерти Л. Н. Толстого - оппонента христианского догмата о Воскресении как небесной награде человека. Он считает, что человек в пограничной ситуации, тяжелой болезни в сознании разумно оправдать свою жизнь с позиции оппозиции "животное в человеке" - человеческое. На примере художественного изображения ухода из жизни заурядного судебного чиновника Ивана Ильича Л. Н. Толстой утверждает неистребимость жизни, показывая, что человек может преодолеть панику смерти и приобрести Дух.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/1/13.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 64-67. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

10. Леонов Л. М. Пирамида: роман-наваждение в трёх частях. М.: Голос, 1994. Т. I–II.
11. Ранкур-Лаферрьер Д. Психика Сталина: психоаналитическое исследование. М.: Весь мир; Прогресс – Академия, 1996. 240 с.
12. Русская поэзия XVIII века. М.: Худож. лит., 1972. 736 с.
13. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М., 1981. 430 с.
14. Соловьёв В. С. Оправдание добра: нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.
15. Уитроу Дж. Естественная философия времени / пер с англ.; общ. ред. М. Э. Омеляновского. 3-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 400 с.
16. Флоровский Г. В. Восточные отцы V–VIII веков. 2-е изд. М.: МП «Паломник», 1992. 260 с.
17. Хайтун С. Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции. М.: КомКнига, 2005. 536 с.
18. Шрейдер Ю. А. Лекции по этике. М.: Мирос, 1994. 136 с.
19. Эрн В. Борьба за логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. 592 с.

PHILOLOGICAL AND LOGICAL REFLECTIONS ABOUT THE EQUATIONS OF OPPOSITES IN ETHICS, RELIGION AND LITERATURE

Vladimir Sergeevich Voronin, Doctor in Linguistics, Associate Professor
Department of Linguistics
Volzhsk Institute of Humanities (Branch) of Volgograd State University
voroninvs@rambler.ru

In the article the questions concerning some aspects of morality and religion and their correlation with polysemantic logical systems are studied.

Key words and phrases: equation of opposites; uncertainty; verity of cycle of mutual transitions of opposites; man's moral status; Lefebvre-Schreider's man equation and its ternary interpretation.

УДК 882

В статье рассматривается концепция проблемы жизни и смерти Л. Н. Толстого – оппонента христианского догмата о Воскресении как небесной награде человека. Он считает, что человек в пограничной ситуации, тяжелой болезни в сознании разумно оправдать свою жизнь с позиции оппозиции «животное в человеке» – человеческое. На примере художественного изображения ухода из жизни заурядного судебного чиновника Ивана Ильича Л. Н. Толстой утверждает неистребимость жизни, показывая, что человек может преодолеть панику смерти и приобрести Дух.

Ключевые слова и фразы: концепт «жизнь-смерть»; смысл жизни; внутренний человек; внешний человек; философская вера; хронотоп; дух.

Людмила Николаевна Голубева, д. филос. н., профессор
Кафедра гуманитарных дисциплин
Елецкий филиал РОСНОУ
Karly1@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗАВЕЩАНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО – КОНЦЕПЦИЯ НЕИСТРЕБИМОСТИ ЖИЗНИ (ПО ПОВЕСТИ «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»)[©]

Доминантным центром художественного мирозерцания Л. Н. Толстого в период его творчества 1880–1890 гг. является концепт Жизнь/Смерть, ибо, по замечанию А. А. Гусейнова, духовный мятёж 50-летнего писателя привел его к «необходимости разумно обосновать смерть», которая и есть «проверка» прожитой человеком жизни [4, с. 203].

Л. Н. Толстой чувствовал, что неуатентичность (неподлинность) бытия человека в социуме, переходящая в анонимность и к потере «лица», не может отвлечь человека от загадки жизни, необходимости ее постижения, когда постепенно тают идеологемы экрана сознания, к примеру, по замечанию Л. Н. Толстого, верование, принятое по доверию и поддерживаемое внешним давлением под влиянием знаний и опытов жизни... и человек останавливается посреди жизни и требует объяснения... и в душе у него возникает вопрос: «Что такое вообще жизнь?» [13, с. 13].

Представляется, что концепт Жизнь/Смерть точнее отражает смысловую направленность толстовских произведений периода 1880–1890 гг., чем предложенное Е. В. Николаевой объяснение сюжетной однотипности как доминирование темы обретения героем пути жизни в ходе становления «внутреннего человека» (понятие, введенное в христианскую антропологию Августином Блаженным, как и дихотомии: внешний

человек – внутренний человек) [9, с. 258–263]. Прежде всего, толстовское понятие «животная личность» не совпадает с «внешним человеком» у Августина Блаженного по содержанию и объему. По мнению Августина Блаженного, «внешний человек» пребывает «вне самого себя в силу оторванности от своих сакральных онтологических истоков» [16, с. 21], а согласно Л. Н. Толстому, главная черта «животной личности» – желание блага для самого себя, и человеку предстоит огромный труд (работа жизни) по подчинению Закону разума и любви – желание блага всему существующему. Л. Н. Толстой писал: «В исполнении этого закона, в подчинении своего животного закону разума, для достижения благ и состоит наша жизнь» [13, с. 35]. Но при этом, человек в изображении Л. Н. Толстого – безупрочное существо в отличие от положения христианской антропологии об освящении и просвещении человека в Божественной Благодати. В посланиях Восточных патриархов говорится: «Благодать Бога даровала просвещающую Благодать, которая подобно свету, просвещающему ходящих во тьме, путеводит всех» [7, с. 227].

Л. Н. Толстой же апеллирует к разуму человека. В тексте философской статьи «О жизни и смерти», которая писалась одновременно с повестью «Смерть Ивана Ильича» (1986), о чем есть свидетельство его жены Софьи Андреевны Берс, отмечавшей ее нетенденциозность, отсутствие пафосной риторики и «ей по душе, что реалистично» [5, с. 191], нет упоминаний о Божественной Благодати, Воскресении как награде человеку за раскаяние в грехах на свет, просвещающий христианина. Более того, многие догматы христианского вероучения он объявляет суеверием. В своей статье он писал: «Бога, творца нет, ибо ипостась Троицы – Бог-Отец равнодушна и допускает страдание, а есть только «Я», познающий данными мне орудиями чувств мир и знающий внутренне своего Отца Бога. Он – начало меня духовного. А мир внешний есть только мой предел» [13, с. 44]. Последняя фраза – отрицание загробного мира, местообитания душ – Рая и Ада и Воскресения. Поэтому следует согласиться с И. И. Евлампиевым, что Л. Н. Толстой довел «до минимума метафизическое содержание религиозной веры, полностью отрекаясь не только от догматического, но и от философского учения христианства. Он отказывается от самого понятий Бога как метафизического Абсолюта, трансцендентного земному бытию и обуславливающего все происходящее в земной реальности» [6, с. 137]. Однако Л. Н. Толстой признает, что в человеке есть искра Божия, и что есть Бог в понимании Л. Н. Толстого? В тексте статьи «О жизни и смерти» мы находим емкую формулу: «Бог есть жизнь» [13, с. 45].

Данная формула – не свидетельство пантеистического воззрения на мир. Л. Н. Толстой – не герой бунинского рассказа «Ночь» (1925), который крестится на небо и звезды, как на великий Храм Ночи и планету Юпитер как знак Святого Духа. Толстовское пояснение предложенной формулы: «Знать Бога и жить – одно и то же. Живи, отыскивая Бога, и тогда не будет жизни без Бога» [Там же] исключает мистичность и сакральные истоки духовности, это есть призыв к человеку, чтоб тот преодолел в себе эмпирически-животную личность в поиске смысла жизни и обрел «философскую веру» в понимании Карла Ясперса, веру в бога, который есть не что иное, как аксиологический Абсолют Жизни. Л. А. Чухина писала: «В актах своего метафизического опыта субъект экзистенциального философствования обретает позицию философской Веры, главная цель которой – «удостоверение трансценденции» как аксиологического и онтологического Абсолюта, в котором укоренен человек, и без которого невозможно становление его подлинной самости» [16, с. 216].

Однако аксиологический принцип, найденный в экзистенциальном философствовании отдельной личности, не имеет всеобщего характера и не может выступать в качестве принудительного, морального императива, хотя последний может иметь общечеловеческий характер и способствовать духовному обогащению современников. По-видимому, этот нюанс уловил Лев Шестов, философ русского Зарубежья: «Оба они – и гр. Толстой и Ницше как проповедники предлагают нам учение, которое только закрывает от нас их мирозерцание. Тот, кто вздумал бы «служить добру» по программе гр. Толстого, был бы также чужд своему учителю, как мало бы был похож на Ницше человек, приносящий себя в жертву *Vebermenschu* (сверхчеловеку – Л. Г.) – хотя этим он осуществил бы выраженное Заратустрой требование» [17, с. 146].

«Панику смерти» испытывает рано или поздно любой человек и впадает в пограничную ситуацию – болезни, старость..., начиная задумываться над вопросом о смысле прожитой жизни. В поздних произведениях Л. Н. Толстого много смертей. М. М. Бахтин обратил внимание на толстовский прием «овеществления» сознания умирающих персонажей: «Смерть он (Л. Н. Толстой. – Л. Г.) изображает не только извне, но и изнутри, то есть из самого сознания умирающего человека, почти как факт этого сознания» [3, с. 314]. Не случайно для стиля автора повести «Смерть Ивана Ильича» характерны «сгущенное изображение всякого чувства: настойчивость, почти назойливость авторской мысли, укрупнение деталей» [15, с. 267–268]. Поток сознания разворачивается как бы в атмосфере классицистического театра. Ритм всей повести определяет ... сдержанно-трагедийный характер болезненно бьющихся слов» [Там же, с. 268, 269].

Герой повести – Иван Ильич Головин – заурядный человек и был реальный жизненный прототип – Иван Ильич Мечников, старший брат ученого И. И. Медникова, прокурора Тульского окружного суда. Иван Ильич – «внешний человек» – «жил службой, общением с близкими, гордился законностью, правильностью и приличием своей жизни» [12, с. 105]. Но Лев Толстой не отказывает герою в человеческом достоинстве – в потоке сознания смертельно больного Ивана Ильича сошлись в борьбе два мотива: оправдание правильности прожитой жизни и ощущение бессмысленности, ложности жизни. И хотя очевидна победа наступающей смерти, Иван Ильич цепляется за ускользающую жизнь, т.е. речь идет о «неистребимости жизни» в умирающем теле, о чем писал российский физиолог А. А. Ухтомский: «Жизнь – ассиметрия, с постоянным колебанием на острие меча, удерживающаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении» [14, с. 322]. И если в качестве «внешнего человека» Иван Ильич был чужд человеческому

в своей служебной ипостаси судейского чиновника и мог имитировать в игре «человеческое», то есть иногда позволял себе, как бы шутя смешивать человеческое и служебное отношение», ибо чувствовал в себе силу всегда, когда ему понадобится, опять выделить одно служебное и откинуть человеческое» [12, с. 72], то на смертном одре его накрыла волна человеческого. При этом исчезли и расплылись все координатные оси, в которых прежде каждый факт получал непоколебимую оценку – игровое сменяется трагической диалектикой смешения противоположностей, которые обозначились. Иван Ильич пытается защитить, оправдать свою жизнь, но, как писал Л. Н. Толстой: «Все казавшиеся радости теперь на глазах его таяли и превращались во что-то ничтожное, гадкое [Там же, с. 100]. Он выстраивает хронотоп, т.е. аксиологическую направленность своей жизни, и обнаруживает, что «чем дальше от детства, чем ближе к настоящему, чем ничтожней и сомнительней были радости... И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгах, и так год, и два, и десять, и двадцать – и все-то же. И что дальше, то мертвее» [Там же].

Тело почти умерло, а дух живет, постигая загадку бытия. Рефлексия, покидая сферу эмоций, находит ключевые отвлеченные понятия – экзистенциалы бытийственности человека: отчуждение, одиночество, отчаяние, надежда. Иван Ильич меняется, т.е. он вдруг узнает в окружающих людях себя – прежнего, и это вводит его в уныние: «Все грустно показалось Ивану Ильичу на улицах. Извозчики были грустны, дома грустны, прохожие, лавки грустны [Там же, с. 78], а ведь прежний Иван Ильич формализмы межчеловеческого общения считал естественным приличием жизни, когда человек как набор социальных функций остается в пределах ставимых ему вопросов» [Там же]. И хотя Иван Ильич не может изменить свою жизнь, но он оставляет след, т.е. обретает бессмертие своим учительным уроком: «На лице (Ивана Ильича в гробу - Л. Г.) было выражение того, что нужно было сделать, сделано, и сделано правильно. Кроме того, в этом выражении был еще упрек или напоминание живым» [Там же, с. 57]. Поэтому мы не согласны с М. А. Щегловым, Е. В. Николаевым в том, что «Иван Ильич до последнего дня своей жизни остается эгоистом, пораженным мыслью о несправедливости судьбы по отношению именно к нему, а кризисное состояние ... вряд ли достаточно для верной оценки своего поведения и места в жизни» [9, с. 162]. С другой стороны, мы не согласны с В. Линковым и А. Саакянцом в том, что Иван Ильич перед смертью пришел к толстовскому принципу: желание блага для других людей и «его «я» не отделилось от других, а соединяясь с ними, расширилось» [8, с. 210]. Л. Н. Толстой писал: «Страдание, вытекающее из заблуждения о смысле жизни, волей-неволей загоняет человека на единственный истинный путь жизни, на котором нет препятствий, нет зла, а есть одно, ничем не нарушаемое, никогда не начавшееся и не могущее кончиться, все возрастающее благо» [3, с. 38]. И заурядный «внешний человек» может прийти к Истине, к которой пришел на смертном одре Лев Толстой. Не случайно, по свидетельству современников, последние слова гения были: «Истина... я люблю много... как они» [10, с. 24].

Вот почему повесть «Смерть Ивана Ильича» можно считать художественным завещанием гения русской литературы, побег которого из Ясной поляны в 1910 г. был «жестом последней недовычерпанной силы, энергии», направленной на вычерпание неустанного «старого», а не простого отказа от него» [2, с. 5].

Список литературы

1. **Августин Аврелий.** Исповедь. М.: Республика, 1992. С. 8–222.
2. **Бассинский П.** Так и надо: два завещания Льва Толстого // Независимая газета. 2004. 2004. 18 марта. С. 5.
3. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 427 с.
4. **Гусейнов А. А.** Великие моралисты. М.: Республика, 1995. 351 с.
5. **Евлампиев И. И.** История русской философии. М.: Высшая школа, 2002. 584 с.
6. **Жданов В. А.** Любовь в жизни Льва Толстого. М.: Планета, 1993. 304 с.
7. **Конспект лекций по догматическому богословию:** учебн. пособие / Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь. Коломна, 1993. 448 с.
8. **Линков В., Саакянц А.** Лев Толстой: жизнь и творчество: книга для чтения с коммент. на англ. языке / В. Линков, А. Саакянц. М.: Русский язык, 1979. 271 с.
9. **Николаева Е. В.** Художественный мир Льва Толстого: 1880-1900-е годы. М.: Флинта, 2000. 272 с.
10. **Последние дни Л. Н. Толстого** // Альбом рисунков В. Н. Россинского. 2-е изд. ИПО Лев Толстой, 1995. 24 с.
11. **Толстой Л. Н.** Последняя глава из книги «О жизни» // Сочинения графа Л. Н. Толстого. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1891. Часть 13. Произведения последних годов. С. 27–342.
12. **Толстой Л. Н.** Смерть Ивана Ильича // Толстой Л. Н. Собр. сочинений: в 22-х т. М., 1978. Т. 12. Повести и рассказы. 1885–1902. С. 54–107.
13. **Толстой Л. Н.** Христианская этика: систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого / сост. и вст. статья В. Ф. Булгакова. Репринт. изд-е 1910. Екатеринбург: ТОО «Альфа», 1994. 224 с.
14. **Ухтомский А. А.** О доминантах // Ухтомский А. А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1950. Т. I. С. 322–324.
15. **Чечерин А. В.** Очерки по истории русского литературного стиля. М.: Худ. лит., 1997. 445 с.
16. **Чухина Л. А.** Человек в религиозной философии: метод. пособие. Рига: Изд-во «ZVAIWNE», 1995. 300 с.
17. **Шестов Л.** Добро в учениях гр. Толстого и Ф. Ницше / послесловие В. В. Ерофьева // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 59–132.

**L. N. TOLSTOY'S ARTISTIC WILL – THE CONCEPTION OF LIFE NON-ERADICATION
(BY THE NARRATIVE “IVAN ILYICH'S DEATH”)**

Ludmila Nikolaevna Golubeva, Docent in Philosophy, Professor
*Department of Humanities
Elets Branch of Russian New University
KarlyI@yandex.ru*

In the article L. N. Tolstoy's conception of the problem of life and death who was the opponent of the Christian dogma about Resurrection as a man's divine reward is considered. He thinks that in a borderline situation or serious illness a person is quite conscious to justify his life from the position of the opposition “animal in person” – “human”. By the example of the artistic description of the death of an ordinary judicial clerk - Ivan Ilyich - L. N. Tolstoy states the non-eradication of life showing that a person can overcome the panic of death and acquire Spirit.

Key words and phrases: concept “life-death”; life sense; inner person; outer person; philosophical belief; chronotope; spirit.

УДК 323.2

Статья раскрывает содержание понятия политической культуры в обществе. Одно из условий эффективности развития общества - это знания о политической культуре социальных и политических субъектов. Необходимость таких знаний становится все более актуальной в условиях, когда коренные изменения, происходящие в социально-экономических основах современного общества, привели к снижению интереса людей к политической деятельности.

Ключевые слова и фразы: политическая культура; политическая сфера общества; личность; социальные группы; социальные общности; ценностно-нормативная система; электоральная культура общества; правовая культура общества; политическая система общества.

Вадим Николаевич Гончаров, д. филос. н.
*Кафедра философии и культурологии
ГОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт»
vgn1968@rambler.ru*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ[©]

Политическая культура общества это преимущественно политическая культура доминирующих социальных групп. Она отражает главным образом интересы, общественное положение и особенности исторического развития соответствующей социальной общности. Понятие «политическая культура», словосочетания «политическая культура», «зрелость политической культуры», «носители политической культуры» впервые введены в научный оборот немецким философом-просветителем И. Г. Гердером [2, с. 339, 368].

Политическая культура является составной частью общей культуры, совокупным показателем политического опыта, качества политических знаний, образцов поведения и функционирования политических субъектов, характеризует образ и стиль политической сферы общества. Политическая культура представляет собой политический опыт, память социальных общностей в сфере политики, определяет политическое поведение. Этот опыт содержит в обобщенном, преобразованном виде как, в сфере международных, так и внутренних отношений.

Политическая культура - это система исторически сложившихся, относительно устойчивых, воплощающих опыт предшествующих поколений людей установок, ориентации и моделей поведения (функционирования), проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, фиксирующих принципы их отношения к этому процессу в целом, его основным элементам и тем самым обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества.

Политическая культура представляет собой обширную сферу всей культуры человечества, непосредственно связанную с политикой. Она выражается в достигнутом качестве и направленности политической жизни общества, в характере политического развития, политической деятельности людей, функционирования политических институтов, доминирующих политических ценностей и образцов поведения. Результат и мера политической культуры - политический человек, качество политической жизни общества в целом.

Политическая культура характеризует уровень освоения человеком и обществом политических идей, взглядов, концепций, программ; степень востребованности достижений политической мысли прошлого и настоящего; зрелость и компетентность в оценках политических явлений. Когда мы говорим о политической культуре общества, мы имеем в виду политическую систему. Политическая культура - это комплекс представлений той или иной национально-культурной или социально-профессиональной общности или группы о политике, политических взаимоотношениях, законах и правилах их функционирования.